

Этнофанатизм подразумевает, что определенные представители какой-либо этнической группы могут превозносить свою культуру выше всего. Если не регулировать этнофанатические настроения среди студентов, в лучшем случае это может привести к раздельному существованию и развитию межэтнических групп, в худшем – к серьезным межкультурным конфликтам.

Для нивелирования крайних форм проявления этноизоляционизма и этнофанатизма был разработан ряд мероприятий, направленный на помощь в адаптации к новой культурной среде, а также позволяющее студентам с обеих сторон познакомиться друг друга с традициями и нормами своего этноса.

Среди них нужно выделить следующие: введение предмета «межкультурная коммуникация» во всех группах подготовительных отделений в вузах республики, проведение занятий в клубе «Speak free about your culture», мероприятия «Месяц культуры страны», знакомство с шедеврами русской культуры, комплектация поликультурных групп, изучение культуры и истории Республики Марий Эл.

Данные мероприятия призваны не только для сглаживания проявлений негативных типов этнической идентичности, но и на поддержание позитивной этнической идентичности, а также на развитие поликультурности у каждой из сторон межкультурного диалога.

Список использованных источников

1. Солдатова Г. У. Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности личности / Г. У. Солдатова, С. В. Рыжова, Л. А. Шайгерова. – М.: МГУ. – 2003. – 112 с.
2. Oberg, K. Practical Anthropology / K. Oberg. – New Mexico. – 1960.
3. Samovar, L. Intercultural Communication: a reader / L. Samovar, R. Porter. – Belmont: Wadsworth. – 1994. – 480 p.
4. Stephan, C. W. Intergroup Anxiety / C. W. Stephan, W. G. Stephan. Journal of Social Issues. – Volume 41. – Issue 3. – 1985.
5. Sumner, W. Study of the Sociological Importance of Usages, Manners, Customs, Mores, and Morals / W. Sumner, G. A Folkways. – Cosimo Classics. – 2007. – 704 p.
6. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior / H. Tajfel, J. Turner. Psychology of inter group relations. – Chicago: Nelson-Hall. – 1986. – P. 7–24.

УДК 811

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ МОЛЧАНИЕ КАК СРЕДСТВО ЭКСПЛИКАЦИИ ЭМОЦИИ «ЛЮБОВЬ» В РУССКОМ ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ

Смоленцева Мария Владимировна

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвистики, Поволжский государственный университет,
г. Йошкар-Ола, Марий Эл, SmolencevaMV@volgatech.net

Аннотация. Статья изучает феномен эмоционального молчания как коммуникативно-информативное средство выражения эмоции любви посредством анализа русских песенных дискурсов. Рассматриваются основные черты эмоционального молчания на основе иллюстративного анализа песенных дискурсов, а также определяются основные функции, которые выполняет молчание для экспликации эмоции «любовь».

Ключевые слова: молчание, эмоция, любовь, русский песенный дискурс.

EMOTIONAL SILENCE AS A MEANS OF EXPLICATION OF THE EMOTION “LOVE” IN RUSSIAN SONG DISCOURSE

Maria V. Smolentseva

CSc in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Linguistics, Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola, the Republic of Mari El, SmolencevaMV@volgatech.net

Abstract. The paper deals with the phenomenon of emotional silence as a communicative and informative means of expressing the emotion of love through the analysis of Russian song discourse. The main features of emotional silence are considered based on an illustrative analysis of the song discourse, and the main functions that silence performs to explicate the emotion “love” are determined.

Keywords: silence, emotion, love, Russian song discourse.

Невербальная коммуникация является самой древней формой коммуникации между людьми. На самом деле, удивителен тот факт, что в межличностном общении большая часть информации передается через невербальное общение нежели через слова. Важным является тот факт, что для осуществления коммуникации нам необходима информация не только репрезентативного характера (о предметах, их местоположении, об идеях, явлениях данного времени), но также информация оценочного характера, позволяющая определить отношение говорящего к самой информации и/или адресату. Часто эта информация становится очевидной, когда мы видим лишь только лицо собеседника. Столь активное использование невербальных средств в межличностном общении объясняется рядом причин – невербальные сигналы, развившиеся как средства коммуникации раньше, чем вербальный язык, оказались устойчивыми в своих первоначальных функциях и часто употребляются неосознанно; невербальные средства имеют определенные преимущества перед вербальными – они воспринимаются непосредственно и поэтому сильнее воздействуют, несмотря на свою кратковременность; они передают тончайшие оттенки отношения, оценки, эмоций; наконец, они могут передавать информацию, которую трудно или по каким-либо причинам неудобно выразить словом.

В данной статье предполагается изучение такого средства невербальной коммуникации, как молчание. Эмоциональное молчание, как правило, является коммуникативно и информативно значимым средством, которое, как справедливо, относят к одним из важнейших форм воздействия

в коммуникации. Зачастую оно оценивается как более значимое, чем разговор. Вставки молчания в процессе коммуникации не случайны, а в большинстве случаев не произвольны.

В лингвистической литературе разграничивают коммуникативное и некоммуникативное молчание. Стоит отметить, что коммуникативно значимое молчание рассматривается как то, которое выполняет определенную знаковую функцию в процессе коммуникации. Это, прежде всего, ролевая обязанность слушающего, форма его этикетного кооперативного поведения (не перебивать, выслушивать, дослушивать и т.п.), при этом, подавая вербальные и невербальные сигналы своего участия в коммуникации: кивки, направление взгляда, возгласы, вздохи и т.п., подтверждают тем самым контакт внимания и понимания. Это так называемое «нормативное» молчание адресата, отвечающее ожиданиям адресанта. С коммуникативным молчанием связано и так называемое умалчивание, не сообщение какой-то ожидаемой адресатом информации. Выделяется также и особый тип молчания, который связан с говорящим в ситуации. В данном случае от реципиента ждут ответную реплику, на что получают отсутствие вербальных знаков. В данном случае молчание не предопределено ни невыразимостью содержания, ни наличием большого общего тезауруса, ни однозначностью ситуации, а зависит как от специфики конкретных экстралингвистических условий, так и от особенностей самих коммуникантов. В этом случае молчание выступает как своеобразный речевой акт с интенциональным, эмоциональным, оценочным и т.п. содержанием в зависимости от предшествующего текста, ситуации и обстановки общения. Некоммуникативное молчание обусловлено социально-культурными факторами и отмечается в ритуалах, обрядах, религиозно-мистической практике различных этнокультурных образований [2; 8].

В лингвистической литературе молчание интерпретируется и как особый речевой акт, и как невербальный компонент коммуникации. В данной связи интересным представляется высказывание К.А. Богданова, который пишет: «Если молчание – текст, то это текст, который никогда не может быть прочитан до конца и «переведен» исчерпывающим образом» [3].

Понимание молчания, как и речи, – это активный процесс, результат сложной деятельности адресата, а не его пассивное участие в приеме неречевого стимула. Н.Д. Арутюнова пишет: «в самой природе человека, как, впрочем, и других живых существ, заложена возможность создания семиотической системы той или иной степени сложности, представленной для целей общения. Мы имеем в виду парность активной способности человека произносить звук и пассивной способности его воспринимать. Иначе говоря, чрезвычайно важной в биологической организации человека является соотносительность голоса и слуха, задающая возможность общения – семиотического контакта с другими» [1].

Как показывают наблюдения над вербальным общением, человеческая коммуникация не представляет собой сплошного, непрерывного говорения.

Часто под воздействием той или иной эмоции люди просто не находят слов для быстрого реагирования на слова или действия собеседника. В данном случае молчание или длительные паузы зависят от специфики конкретных экстралингвистических условий, либо от особенностей самих коммуникантов.

Разбирая феномен молчания, Н.Д. Арутюнова указывает на то, что молчание может быть невольным и намеренным. В первом случае молчание симптоматично, во втором – семиотично. Оправданное индивидуальной ситуацией молчание воспринимается как симптом внутреннего кризиса: болезни, отчуждения, интимных переживаний и другое. Как правило, все паралингвистические явления, выступая комплексно в общении, поддерживают и усиливают друг друга.

Как показал анализ иллюстративного материала, молчанием сопровождаются следующие основные фундаментальные эмоции: удивление, стыд/смущение, горе, страх, гнев, волнение, любовь, ненависть. Нами зафиксированы следующие номинации, передающие молчание в эмоциональном состоянии любви, например: *безмолвная печаль, дышать грустно, углубленно, не мочь выразить в звуке, не мочь заговорить, ловить глубокий вздох, вздохнется кому-либо, молчать, кивнуть молча* («Ты не бойся безмолвной печали моей./ Пусть она не тревожит тебя.» [5; с. 69], «Дышал он, грустный, углубленный,./ В тени ресниц ее густой./ Как наслажденье, утомленный,./ И как страданье, роковой.» [5, с. 74], «О, если б мог выразить в звуке/ Всю силу страданий моих./ В душе моей стихли бы муки/ И ропот сомненья затих:» [5, с. 75], «Несла воду из колодца,./ Попросил желанный пить./ Белы ручки затряслися../ Не могла заговорить.» [4, с. 124], «Что день и ночь лишь думаю о нем./ Поверит он – не раз ему вздохнется.» [5, с. 57], «И ловит глубокий мой вздох неприметно/ Духов аромат многосложный.» [6, с. 64], «И, если вдруг меня спросят, был ли я счастлив, я молча кивну/ Я был готов остаться навечно в этом плену.» [9]).

Смысл эмоционального молчания создается прагматической ситуацией, мимическим и кинетическим сопровождением. Например: «Не верит он, что быть мне с ним так сладко,./ Что сердце радостно дрожит при нем...» [5, с. 57], «Твои лобзанья./ Волнуют кровь во мне./ Родят желанья!» [5, с. 57], «Что за него с слезою умиленья./ Летит к творцу горячая мольба» [5, с. 57].

Молчание также отличается от паузы, которые связаны с отсутствием звучания и, как правило, заполняются жестами хезитации, свидетельствующими о мыслительной деятельности говорящего и о затруднениях, связанных с формулированием высказывания («Ты зачем меня, сударушка./ Повысушила?./ Без лютого без морозу./ Сердце вызнобила../ Допустила сухоту./ По моему животу» [7, с. 117], «О, если б мог выразить в звуке/ Всю силу страданий моих./ В душе моей стихли бы муки/ И ропот сомненья затих:» [10, с. 75], «Когда друга я жду! Вся бледна, холодна,./ Замирая, дрожу» [10, с. 20]).

Молчание же рассматривается как коммуникативный знак, намеренно используемый говорящим в определенной коммуникативной ситуации и несущий

в себе прагматическую направленность: «Я во всем позабываюсь/ На тебя когда гляжу;/ Без тебя я сокрушаюсь/ И задумавшись сижу» [6, с. 66], «Пусть сияет любовь/ На устах у тебя!» [11, с. 141].

Для усиления эмоционального состояния любви в русских песенных дискурсах встречаются оксюмороны, которые показывают высшую степень эмоционального накала: «На тех порой блистали слезы,/ Любви немые жалобы,» [11, с. 296].

Эмоциональное молчание выполняет следующие основные функции, во-первых, может являться *индикатором эмоционального состояния любви* («Ты молчишь. Но твой взгляд мне надежду дает.» [10, с. 52]); во-вторых, являясь индикатором эмоционального состояния, может быть направлено на демонстративный отказ от любви, при этом оно может сопровождаться мимикой, жестами или движениями («Зачем сей взгляд, зачем сей вздох глубокий,» [6, с. 86]); в-третьих, молчание, *направленное на общение*, несет в себе дополнительную имплицитную информацию об эмоциональном состоянии коммуникантов, их социальном и культурном статусе, оно нацелено на эмоциональное и интеллектуальное воздействие («Кто, преклонясь на грудь вам молодую,/ Вам шепчет страстно про любовь свою?» [5, с. 64], «Ты узнай, мой друг, про любовь мою/ И улыбкою, словом ласковым/ Успокой меня беспокойного» [6, с. 63]). В песне «Матаня» влюбленные используют невербальные средства общения, которые выражают их эмоциональное состояние: «Сколько в девок не влюблялся -/ По Матаньке тосковал./ Мы с Матанькой больно хитры,/ Друг на дружку не глядим./ При народе ходим порознь,/ Без народа посидим.» [9] То есть они ходят молча, друг на друга не смотрят, но это намеренное молчание тем больше накаляет их эмоциональное состояние. Или, например, в песне «По Муромской дорожке» между собеседниками состоится разговор, молча, когда все эмоции «написаны» на лице: «Я у ворот стояла когда он проезжал/ Меня в толпе народа он взглядом отыскал/ Увидел мои слезы главу на грудь склонил/ Он понял мое сердце навеки он сгубил» [9].

Как показывает анализ, в данном случае имеет место не просто передача информации при помощи номинаций паралингвистических явлений фонационного характера, а более сложная трансформация, связанная с изменением и приращением смысла в конкретной ситуации общения. Кроме того, стоит отметить, что исследуемые песенные дискурсы характеризуются наибольшей степенью эмоциональности, поэтому наличие невербальной коммуникации в них довольно частотно.

Таким образом, очевидно, что молчание как средство экспликации эмоции «любовь» может являться сочетанием как эмоционального, так и ментального. Феномен молчания может воплощать намерение коммуниканта выразить эмоциональное состояние, а также его прагматическое намерение.

Список использованных источников

1. Арутюнова, Н. Д. Феномен молчания / Н. Д. Арутюнова // Язык о языке / Под общим руководством и редакцией Н.Д. Арутюновой. – Москва: Языки русской культуры, 2000. – С. 417-436. – EDN YJZAOR.
2. Богданов, В. В. Молчание как нулевой речевой акт и его роль в вербальной коммуникации / В. В. Богданов // Языковое общение и его единицы: Межвузовский сб. / Отв. ред. И. П. Сусов. – Калинин, ЮГУ, 1986. – С. 12-18.
3. Богданов, К. А. Очерки по антропологии молчания / К. А. Богданов. Homo Tacens. СПб.: РХГИ. – 1998. – 352 с.
4. Захаров, В. 100 русских народных песен. Из репертуара хора им. Пятницкого / В. Захаров. – М.: Гос. муз. изд-во. – 1958. – 331 с.
5. Любимые песни: Песенник / сост. Н. Н. Маслова, А. П. Кудряшова. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. – 1994. – 351 с.
6. Любимые песни и романсы. – М: Омега. – 1995. – 384 с.
7. Любимые песни и романсы / сост. О. Диль. – СПб.: Изд. Дом «Литера». – 2002. – 320 с.
8. Русские народные песни / сост. и введ. тексты В. В. Варгановой. – М.: Правда. – 1988. – 574 с.
9. Сборник русских народных песен: [Электронный ресурс] URL: <https://pesni.kakras.ru/>
10. Формановская, Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н. И. Формановская. – Москва: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. – 1998. – 291 с.
11. Чернов, Л. И. Народные русские песни и романсы / Л. И. Чернов. – N. Y.: New York 17, N. Y. – 1959. – 415 с.

УДК 811 : 376 : 37.09 : 811'243 : 63

**АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И НАУЧНЫХ
КУЛЬТУРНЫХ СООБЩЕСТВ ПРИ ОВЛАДЕНИИ ИНОСТРАННЫМ
ЯЗЫКОМ СТУДЕНТАМИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ВУЗА**

Уланова Ольга Борисовна

кандидат психологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков, Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева, г. Москва, Россия,
undina52@gmail.com

Аннотация. Статья посвящается анализу способов применения некоторых логических операций с целью развития представлений о понятиях «профессиональное» и «научное» сообщество в рамках изучения профессионального иностранного языка в сельскохозяйственном университете. Разграничиваются понятия «профессиональный» и «научный» иностранный язык. Анализируются методические приёмы, направленные на развитие понимания студентами сельскохозяйственного вуза сходства и различия понятий «профессиональное» и «научное» сообщество в рамках изучения профессионального иностранного языка.

Ключевые слова: культура, наука, научный иностранный язык, профессия, профессиональный иностранный язык, сообщество.